

Из истории гипербата в русистике

**Елена Валерьевна
Маркасова**

Пекинский университет,
Пекин, Китай

On the History of Hyperbaton in Russian Studies

Elena V. Markasova

Peking University,
Beijing, China

Резюме

Термин «гипербат» до конца XX — начала XXI в. сохранялся в дисциплинарном поле классической филологии и истории литературы, но в русистике он уступил место термину «инверсия», что поддерживалось образовательной традицией. Цель исследования — выяснить, когда и как (на фоне преемственности в использовании ряда других риторических и грамматических терминов) российская лингвистика разошлась с западноевропейской в употреблении термина «гипербат». Для поиска сведений об этом термине в латинских грамматиках и риториках мы использовали *Corpus Corrogiu*, а также тексты риторик и грамматик Античности, Возрождения и раннего Нового времени, русские риторика XVII–XVIII вв. Анализ описаний гипербата в русских риториках предваряется экскурсом в историю создания классификаций типов гипербата в классический период и общими сведениями о современных подходах к изучению гипербата в европейской лингвистике. Это необходимо для понимания различий между двумя научными традициями изучения проблематики словопорядка. Ключевым моментом в истории утраты термина «гипербат» можно считать ранний

Цитирование: *Маркасова Е. В.* Из истории гипербата в русистике // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 82–112.

Citation: *Markasova E. V.* (2024) About the History of Hyperbat in Russian Studies. *Slověne*, vol. 12, № 2, p. 82–112.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.03

этап его описаний в России, поскольку именно в этот период возникают предпосылки для его исчезновения из употребления. Во-первых, в это время отсутствовала традиция описания словоупотребления в грамматическом аспекте на материале русского языка. Во-вторых, не было дидактических материалов, базирующихся на комментариях к текстам признанных авторов. Наконец, существенно повлияла на исключение термина из употребления «Риторика» М. В. Ломоносова.

Ключевые слова

фигуры речи, тропы, порядок слов, проективность, история лингвистических учений, история риторики

Abstract

The term *hyperbaton* was preserved in various disciplinary fields (classical philology, history of literature) until the late 20th—late 21st century, but in Russian studies, it gave way to the term *inversion*, which was supported by the pedagogical tradition. The purpose of the study is to find out when and how (against the background of continuity in the use of other rhetorical and grammatical terms) Russian linguistics diverged from Western European linguistics in the use of the term *hyperbaton*. The data for the study was collected from *Corpus Corporum*, as well as texts of rhetoric and grammars from antiquity, the Renaissance and Early Modern times, and Russian rhetoric of the 17th—18th centuries. The analysis of hyperbaton descriptions in Russian rhetoric is preceded by an overview of the history of the creation of hyperbaton type classifications in the classical period and general information about modern approaches to the study of hyperbaton in European linguistics. This is necessary to understand the differences between the two scholarly traditions and their approach to problems of word order. The key moment that pushed the term *hyperbaton* into disuse can be considered the early stage of its descriptions in Russia, since it is during this period that the prerequisites for its disappearance from active use arise. First, there was no tradition of describing the word order in the grammatical aspect based on Russian texts. Second, there were no didactic materials that commented on the texts of acknowledged writers. Finally, M. V. Lomonosov's *Rhetoric* significantly influenced the exclusion of the term from use.

Keywords

figures of speech, tropes, word order, projectivity, history of linguistics, linguistic traditions, history of rhetoric

1. Введение

Гипербат — это отступление от «принятого», «обычного», «нормального» порядка слов, которое может быть обусловлено различными причинами и иногда затрудняет понимание смысла. Термин (*греч.* ὑπερβατόν; *лат.* transgressio, transsensu, transcensio) принято объяснять на основе

этимологии (перестановка, перенос, «перешагивание») и рассматривать либо как фигуру речи, либо как троп. Частные случаи гипербата обозначаются терминами *anastrophe*, *epergesis*, *hysteron proteron*, *hysterologia*, *metathesis*, *parenthesis*, *perversion*, *tmesis*, *transiectio*, *synchysis* и др. и описываются в рамках учения о порядке и сочетаемости слов, связанного и с грамматикой, и с риторикой [Гаспаров 1986; Кормилина 2014].

Это термин, имеющий сложную историю в отечественной лингвистике. В русистике нарушение порядка слов традиционно (и в школе, и в вузах) именовалось инверсией, но с начала 2000-х гг. «инверсия» стала постепенно вытесняться воскрешенным «гипербатом». Оба термина трактовались на основе представлений о том, что существует «естественный», «обычный», «стилистически нейтральный» порядок слов, нарушение которого может быть стилистическим средством.

В лингвистике два основных термина, обозначающих нарушение словопорядка (инверсия и гипербат), сосуществуют, но в российской традиции инверсия — общеизвестный термин, поддерживаемый в системе образования на протяжении XIX–XXI вв., гипербат же известен далеко не всем. Этот тезис основан на многолетних наблюдениях. Проведенные в 1999, 2006 и в 2011 гг. в трех российских университетах опросы преподавателей, имеющих ученую степень по специальности «русский язык», показали, что термина «гипербат» русисты не знали. Непостоянство его включения в словари и энциклопедии говорит о нестабильности этой единицы в терминосистеме. Так, в [Ахманова 1966] есть и гипербат, и инверсия, а в [Квятковский 1966: 121–122; Тимофеев, Тураев 1974: 98; ЛЭС 1990: 176] есть инверсия, но статей, специально посвященных гипербату, нет.

Приведу два интересных факта. Я. М. Боровский, филолог-классик, в 1977 г. пишет работу «Незамеченный гипербат у Пушкина» [Боровский 1977]. Это редкий случай включения термина в заглавие. Однако эту работу читают в основном литературоведы. В 1995 г. выходит статья С. И. Николаева о гипербате, затемняющем смысл [Николаев 1995], но она остается вне зоны внимания русистов даже в XXI в., в период возвращения термина.

На фоне инверсии гипербат представляет собой весьма специфический тип нарушения словопорядка. Возникает структура, состоящая из трех зон: начальной, срединной (медианной) и конечной. Члены одной синтагмы разъединяются медианной зоной. Дизъюнкция порождает эффект ожидания и эмфатического выделения всех трех зон [Devine, Stephens 2006: 525]. Например, в анализируемых Я. М. Боровским строках из стихотворения А. С. Пушкина «Деревня» читаем: «И над отечеством Свободы просвещенной / Взойдет ли наконец прекрасная заря?»

Начальная зона — *Свободы просвещенной*, медианная — *взойдет ли наконец*, конечная — *прекрасная заря*. Попутно возникает анаколүф, ложная зависимость: *свободы просвещенной* читается как зависимый член в словосочетании *над отечеством (чего?) свободы просвещенной*. Это заставляет задуматься, что значит *отечество просвещенной свободы*, и лишь потом обнаружить смысл: *взойдет ли над отечеством прекрасная заря просвещенной свободы?*

При перестановках такого рода нарушается принцип проективности, открытие которого стало «одним из существенных достижений синтаксиса» [Падучева 1971: 14]. Под проективностью синтаксических структур понимаются «ограничения, наложенные на относительное расположение слов, связанных отношением подчинения, и состоящие в том, что если в каком-либо предложении слово *a* подчиняет слово *b*, то всякое слово, расположенное между *a* и *b*, должно быть подчинено непосредственно или опосредованно слову *a*» [Ibid.: 15]. Понятия проективности синтаксических структур и протяженности дуги («количество слов, которые отделяют управляемое от управляющего» [Севбо 1971: 41]) позволяют от интуитивного восприятия сложности текста перейти к научному. Попытки исследования проективности на материале русского языка в связи с историей риторики редки [Маркасова 2002: 69; Новожилов 2022: 319–320].

В конце XX — начале XXI в. в России на волне реабилитации риторики появляется новая справочная литература, в которой даются детальные описания гипербата [Махов 2010: 443–445; Москвин 2015: 110; Хазагеров 2011: 173]. В русистике актуализируется вопрос о месте гипербата в системе изобразительно-выразительных средств: либо инверсия определяется как вид гипербата [Сковородников 2005: 97], либо гипербат как вид инверсии [Москвин 2015: 110]. В. П. Москвин [2006] создает описание тропов и фигур на основе их функции, рассматривая группу «эмфатических фигур»: гипербат включен в эту группу вместе с анастрофой, буквенным произношением, иллеизмом, стилистической инверсией, повтором, пролепсом, слоговой парцелляцией, слоговым повтором, эмфатическим ударением. При этом работы о гиперbate, написанные специалистами в области древних языков, остаются в своем дисциплинарном поле, редко привлекая внимания русистов. В начале XXI в. в России исследования, оперирующие термином, локализованы довольно неравномерно: в основном это Ростов-на-Дону, Смоленск, Красноярск, Волгоград, что объясняется историей формирования научных школ в соответствующих университетах. По данным сайта e-library (2022 г.), при запросе «Метафора в названии диссертаций» результат — 490, а при запросе «Гипербат в названии диссертаций» — 0.

В западноевропейской науке изучение синтаксиса традиционно опиралось на достижения античного периода [Young 1932; Sprevak 2010; Heikkinen 2012; Алпатов 2019]. История описаний гипербата, включаемого в риторики, грамматики, комментарии к классическим текстам от Античности до конца XX в., дана в энциклопедической статье [Elice 2008], а общие сведения о его разновидностях содержатся в авторитетных словарях [Lausberg 1998; Lanham 1991] и энциклопедии [Historisches Wörterbuch der Rhetorik 1992–2014].

Цель нашей работы — выяснить, когда и как российская традиция, несмотря на преемственность в использовании многих риторических терминов, разошлась с западноевропейской в употреблении термина «гипербат».

Для поиска латинских цитат в грамматиках и риториках были использованы *Corpus Corporum* (<https://mlat.uzh.ch>), созданный при Институте греческой и латинской филологии в Цюрихском университете под руководством Ф. Розэлли (Ph. Roelli), материалы сайта <http://ancientrome.ru>, рукописные русские риторики XVII–XVIII вв. и научные издания «Риторика» Феофана Прокоповича и «Краткого курса красноречия» М. В. Ломоносова. Цитаты из текстов античного периода даны в соответствии с существующей научной традицией сокращения описаний. Переводы Вергилия и Гомера на русский язык, опубликованные на сайте <http://ancientrome.ru>, даны в постраничных сносках с указанием имени переводчика¹.

2. Краткая история изучения гипербата

Античные риторики и грамматики, для которых учение о тропах и фигурах было «спорной областью обоюдных притязаний» [Гаспаров 1986: 92–93], по-разному подходили к описанию словопорядка.

В греческой традиции ранние упоминания гипербата были у грамматика Трифона (60–10-е гг. до н. э.) и софиста Фойбаммона (V–VI вв. н. э.), а сам термин, как и идея его включения в раздел «тропы», восходит к Александрийской традиции [Elice 2008: 594]. В отличие от александрийцев, у стоиков гипербат считался разновидностью фигуры (схемы) [Roran 2012: 19; Torzi 2000: 186–187]. Отсутствие четкого разграничения терминов «троп» и «фигура» мы не считаем показателем несостоятельности древних риторик (см. обзор: [Москвин 2013]). Традиционно причисление фигур словопорядка то к тропам, то к фигурам объясняют тем, что классификации античного периода были условны,

---

¹ Вергилий. *Буколики. Георгики. Энеида*, пер. с лат. С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского, комм. Н. А. Старостиной, Москва, 1979; Гомер. *Илиада*, пер. Н. И. Гнедича, Ленинград, 1990.

а троп и фигура понимались очень широко [Elice 2008: 593]. Нам представляется рациональным объяснение Г. Г. Хазагерова [2022: 5–7]: на раннем этапе существования лингвистических идей нужно было собрать и обозначить все явления, заслуживающие внимания, поэтому нельзя оценивать древние описания с позиций постбэконовского опыта систематизации знаний об изучаемых объектах.

В риториках гипербат занимал позицию либо между перифразой и гиперболой, либо между перифразой и аллегорией. Изменение порядка слов (казалось бы, явление синтаксическое) рассматривалось в качестве тропа наряду с метафорой, метонимией и синекдохой. Это было логично: при перестановке у каждого перемещенного элемента, кроме угасших гипербатов типа *tesum, tecum*, появляется дополнительный «вес», что выражается в звучащей речи с помощью эмфатического выделения (древние риторика были ориентированы на произносимое слово). То есть выделяемый «по иперватоному тропосу» элемент не был равен самому себе в нейтральном употреблении. Это и давало создателям классификаций основание поместить гипербат между перифразой (непрямым наименованием) и гиперболой (преувеличением).

Заметим, что в этот период развития лингвистической мысли не было ни технических средств изучения эмфатических единиц, ни понятий «коммуникативная семантика», «коммуникативное значение», «коммуникативно релевантный пик речевого акта» [Янко 2008: 38–43]. Тем удивительнее чуткость античных грамматиков и риториков к семантической неодноплановости, которая являлась основанием для включения гипербата в ряд тропов.

Существовала и другая традиция размещения гипербата: в одном ряду с эллипсисом, плеоназмом, анастрофой (Трифон *Περὶ τρόπων*) или эллипсисом, силлепсисом, анастрофой, эффикцией (Хиробоск, *Περὶ τρόπων*) [Москвин 2013: 21]. В рамках этой традиции коммуникативно значимые семантические нюансы перемещаемых единиц, видимо, не считались существенными.

2.1. Ключевые тексты. «Риторика для Геренния», трактат «О возвышенном», Квинтилиан

В «Риторике для Геренния» (80-е гг. до н. э.), «лучшем кратком введении в риторику на латыни» [Kennedy 1994: 134], как синоним гипербата использован термин *transgressio* — перестановка двух видов (*perversio* и *transiectio*). *Perversio* — перенос предлога в постпозицию (у Квинтилиана это *анастрофа*). *Transiectio* — перенос слова, нарушающий цельность синтагмы: «*Instabilis in istum plurimum fortuna valuit*» [Rhe-

torica ad Herennium 1954: 336–338]. В этом примере дистанцируются существительное и его определение.

Квинтилиан в «*Institutio oratoria*» (ок. 95 г. н. э.) описывает гипербат как способ учитывать при сочетании слов их порядок, связность и ритм (*ordo, iunctura, numerus* (Quint. Inst. 9. 4. 22)) и сравнивает создание текста с обработкой камня: как невозможно бывает обтесать камень, так невозможно «обтесать» слово, поэтому (как при подгонке камней при строительстве) нужно подбирать для слова место, чтобы речь была плавной. (Quint. Inst. 8. 6. 62–64). Он считает, что благодаря гипербату речь становится более гладкой, а если слова следуют в тексте в «естественном» порядке (под «естественным» подразумевается порядок появления слов в процессе порождения высказывания), то возможно нарушение плавности и логичности из-за самоперебивов и спонтанного перестраивания синтаксических структур. Квинтилиан причисляет гипербат к тропам и использует этот термин как гипероним для анастрофы и собственно гипербата.

Перестановка **только двух слов** именуется анастрофой: *tescit, secit* вместо *cum te, cum se* или *quibus de rebus* вместо *de quibus rebus*². В качестве примера цитируется Cic. Pro Cl.: «Animadverti, iudices, omnem accusatoris orationem in **duas** divisam esse **partes**»; приводится прямой порядок: «In **duas partes** divisam esse» (Quint. Inst. 8. 6. 66).

Разделение слова путем вставки перемещенного элемента именуется тмезисом³ и иллюстрируется примером: «Hyperboreo **septem** subiecta **trioni**» (Verg. Georg. III. 381) (*septentrioni* — семизвездье, или Большая Медведица). По Квинтилиану, такая перестановка уместна в поэзии, но в публичной речи мешает течению мысли и недопустима для ораторов, анастрофа же возможна и у ораторов, и у историков.

Автор трактата «О возвышенном»⁴, современник Квинтилиана, характеризует гипербат как нарушение «привычного хода **слов или мыслей** и достовернейший признак воинственного пафоса» [О возвышенном 1966: 161]. Когда люди охвачены страстью, «они начинают с одного, затем перескакивают на другое, вставляют в середину рассказа нечто уже совершенно бессвязное, вновь возвращаются к началу [...], меняя выражения, мысли и даже привычный строй речи; точно так же этому естественному состоянию подражают с помощью перестановок величайшие мастера слова» [Ibid.: 161].

² *Мной с, ним с* вместо *со мной, с ним; этих о вещах* вместо *об этих вещах*.

³ Отметим, что существуют более сложные случаи тмезиса, когда части слова разъединяются не одним, а несколькими словами [Изотов, Изотов 2017].

⁴ Написанный в I в. н. э. трактат «О возвышенном» приобрел известность только в XVI в., т. е. принадлежит сразу двум эпохам.

Из сказанного ясно, что уже в древний период осознается связь порядка слов с психологическим состоянием субъекта и мыслительными процессами при порождении устной речи. У Квинтилиана обработанная речь не должна передавать все движения мысли. В трактате «О возвышенном» иной взгляд: искусное применение «скачков и самоперебивов» передает движение мысли и потому может служить для имитации спонтанности и страсти, ибо таким образом речь сильнее влияет на слушателей. Следовательно, нельзя согласиться с мнением, что «в ранний период развития риторической дисциплины в вопросе порядка слов во главу угла ставилось строгое соблюдение логической последовательности»⁵ [Кормилина 2014: 263]. Соблюдение логической последовательности было не единственным фактором.

2.2. Грамматика. Сацердот, Харисий, Донат, Диомед

Римский грамматик Сацердот (III в. н. э.) выделял 4 типа гипербата: *parenthesis, hystero-logia, synchysis, tmesis* [Sacerdot 1874: 280]. *Hystero-logia*, обозначающая нарушение последовательности событий, описана на примере из «Энеиды» (Verg. Aen. III: 236–237). Гистерологией он считал нарушение последовательности событий, например: «...postera Phoebea lustrabat lampade terras / humentemque Aurora polo dimouerat umbram: **primo enim noctis umbra discedit, et sic sol oritur**» (Verg. Aen. IV: 6–7) [Sacerdot 1874: 280]. Такое описание действительно противоречит естественному порядку событий: чтобы «земля озарилась светочем Феба», сначала необходимо, чтобы «влажную тень прогнала с небосвода Аврора» (пер. С. А. Ошерова), т. е. солнце восходит после того, как прошла ночь, а не наоборот. Сацердот не включил в список типов гипербата анастрофу, но добавил ее примеры в конце классификации «**ut Italiam contra, id est contra Italiam, et ipsis ex uincola sertis pro ex ipsis sertis uincola; Thestylis et pro et Thestylis**» (Verg. Aen. I: 10) [Sacerdot 1874: 280].

Синхизис определяется как многочисленные перестановки: «...tris Notus abreptas in saxa **latentia torquet, saxa uocant Itali mediis quae in fluctibus aras**» (Verg. Aen. I: 108–109)⁶. Порядок, предлагаемый Сацердотом как правильный: «...tris Notus abreptas in saxa **<torquet> mediis latentia fluctibus, quae saxa Itali aras uocant**» [Sacerdot 1874: 280].

⁵ Вывод сделан А. А. Кормилиной на основе источников: «О соединении слов» Дионисия Галикарнасского (ок. 55 — ок. 8 г. до н. э.), «Об ораторе» (55 г. до н. э.), «Оратор» (46 г. до н. э.) Цицерона, «Риторика для Геренния» (80-е гг. I в. до н. э.), «О стиле» (I в. н. э.) Деметрия, «Двенадцать книг риторических наставлений» Квинтилиана (93–95/96 гг. н. э.), «О возвышенном».

⁶ Пер. С. А. Ошерова: «Три корабля отогнав, бросает Нот их на скалы — их италийцы зовут алтарями, те скалы среди моря».

Пример тмезиса (разделение слова *septentriones*), данный Квинтилианом, повторяется в грамматиках Харисия, Доната и Диомеда.

Флавий Сосипатр Харисий также называет четыре типа гипербата, но применяет термины диакопа (синоним тмезиса) и диалис (синоним парентезы), приводит пример парентезы. Пример парентезы, т. е. вставной конструкции, — «*tum socios (namque omnis eum stipata tegebat turba ducum) sic incipiens hortatur ovantis*» (Verg. Aen. XI: 12–13)⁷ [Charisius]. Харисий сохраняет главную характеристику анастрофы (перестановка именно **двух** слов, как у Квинтилиана) и пример: «*transtra per et remos*» вместо «*per transtra et per remos*»⁸.

Донат Элий в «*Ars Major*» называет пять видов гипербата [Donatus 1864: 401] и делит описание на две части. Сначала он описывает парентезис «*neque enim patrius consistere mentem passus amor*» (Verg. Aen. I. 643–644)⁹, затем тмезис. После этих двух фигур следует общий список (*hysterologia, anastrophe, parenthesis, tmesis, synchysis*) и отдельно описывается *hysterologia* (Verg. Aen. I: 179), *anastrophe, synchysis*, примеры которых совпадают с примерами из прочих грамматик. Подобным образом описывает пять типов гипербата и Диомед Грамматик [Diomed 1857: 461].

Харисий и Диомед, приводя один и тот же пример, указывают, что «темным» (затрудняющим понимание смысла) гипербатом является синхизис: «*synchysis est hyperbaton obscurum*». Это замечание впоследствии станет основой для концепции разделения гипербата на два вида (простой и темный) у Юлиана Толедского [Schindler 2008: 355].

Анастрофа в грамматиках описана подробнее, чем прочие виды перестановок. Причина, видимо, заключается в том, что анастрофу можно описывать в контексте частеречной принадлежности переставляемых элементов. Эта традиция восходит к трудам Трифона и Фойбаммона [Lausberg 1998: 317–318].

Итак, изобилие терминов, обозначающих типы перестановок, возникло в античный период в процессе поиска непротиворечивой и полной системы описания перемещаемых единиц (в пределах слова, словосочетания, предложения или периода или при описании последовательности событий).

⁷ Пер. С. А. Ошерова: «После к друзьям — ибо плотно его обступили, ликуя, тевкров и тусков вожди — обратился он с речью такую...»

⁸ «Скамьи на и весла» вместо «на скамьи и на весла». Полный текст Вергилия: «*Furit inmissis Volcanus habenis/ transtra per et remos et pictas abiete puppis*» (Verg. Aen. V. 662–663). Пер. С. А. Ошерова: «Ярится Вулкан, пожаром объемля / Весла судов, и скамьи, и кормы расписную обшивку...»

⁹ Пер. С. А. Ошерова: «Тотчас Эней (ведь в сердце отца не знает покоя / К сыну любовь) проворного тут посылает Ахата».

Ранние грамматики создали эталон описания гипербата и сформировали корпус стандартных примеров из Вергилия¹⁰. Расхождения касались количества типов (четыре или пять). Из пяти типов гипербата **к реальной последовательности событий и порядку их описания** имеет прямое отношение гистерология, **к порядку слов** — анастрофа и синхизис, **к размещению элементов внутри слова** — тмезис. Затруднять понимание текста могут гистерология, синхизис, тмезис. Парентеза — вставная конструкция — не затемняет смысл и может быть не связана с порядком слов в предложении, в составе которого существует. Она включена в классификацию по признаку структурного сходства с остальными видами: разъединяет части предложения. Таким образом, классификация типов гипербата в античных грамматиках была основана на представлении о перемещении элементов в пределах цельных структур. Предшествующие этим описаниям риторики тоже обращались к проблеме словопорядка, но авторов риторик больше занимали экстралингвистические факторы.

2.3. Гипербат в комментариях к текстам

Комментарии к поэтическим произведениям классической латыни (Вергилий, Овидий, Гораций и др.) и к текстам, связанным с богословской традицией (Библия, полемические трактаты), способствовали расширению знаний о гиперbate. Авторы комментариев в основном опирались на пятичастную классификацию гипербата.

Наиболее подробные его описания созданы Иеронимом Стридонским (345–419 (420), «Commentarius in Ecclesiasten» и Иоанном Кассианом (360–435), «De incarnatione Domini contra Nestorium». Беда Достопочтенный детально описал гипербат на основе библейских примеров из Вульгаты (Ps. LXVII, Cant. VIII; Cant. VI и др.) и христианских поэтов [Beda 1863]. Описания гипербата сближаются с описаниями анаколуфа (как это было у Присциана).

Создание терминов «короткий», «длинный», «темный» гипербат приписывают Юлиану Толедскому [Poran 2012: 82, 194]. Трудно согласиться с этим мнением, поскольку определение *obscurus* применялось и прежде (например, у Рабана Мавра в «Expositiones in Leviticum») [Hrabanus Maurus 1851: 529].

Кроме традиционных примеров гипербата из «Энеиды», Юлиан Толедский к каждому термину дает примеры из «Георгик». Примеры

---

¹⁰ Вергилий стал самым комментируемым автором в европейской традиции XVII–XVIII вв. «Культ Вергилия — важнейший фактор стабильности на переходе от Средневековья к Возрождению и от Возрождения к последующим векам» [Аверинцев 2005].

же «длинного и темного» гипербата он берет из «De Doctrina Christiana» св. Августина и объясняет механизм прояснения смысла: «...longum hyperbaton et obscurum, qui hoc ordine patescit, si remoues de medio omnia et inter se prima et postrema ita iungis» [Iulianus Toletanus 1855: 320] («длинный и темный гипербат, который в этом порядке открывается, если удалишь всю середину и первое и последнее соединишь»).

В этот период изучение словопорядка связывают с толкованием Писания и богословской проблематикой [Хосроев 2016].

2.4. Западноевропейская традиция. «Минерва» Ф. Санчеса.

Грамматика Пор-Рояля

«В средневековой Европе греческий и латинский варианты традиции почти не соприкасались друг с другом. В Западной Европе даже в XIII–XIV вв., когда на ряде языков уже существовала развитая письменность, единственным достойным объектом изучения все еще считалась латынь. [...] Положение стало меняться в одних странах с XV в., в других с XVI в.» [Алпатов 1999: 24]. На протяжении этого периода создается множество нормативных грамматик, которые используют грамматическую терминологию античного периода для описания формирующихся национальных языков. Аналогичные процессы происходят и в риторике. Описание гипербата представляет ценность уже потому, что имеет прямое отношение и к норме, и к традиции, и к новым потребностям в создании письменных текстов и развитии устных жанров на национальных языках. Порядок слов был важен для понимания и письменной, и устной чужой речи. Анализ описаний гипербата в этот период — отдельная большая тема [Keith Percival 1983].

В XVI–XVII вв. описания гипербата связаны с развитием логического направления, выявлением общих грамматических законов, тенденцией к нормативизации.

В «Минерве» Ф. Санчеса описание типов гипербата завершается анаколуфом, что можно считать отсылкой к рассуждениям Присциана. В определении гипербата теперь включено понятие «грамматический»: «Hyperbasis siue hyperbaton est uerbi transgressio et ordo perturbatus praeter grammatices rationem» [Minerva 1664: 393]. Санчес, вслед за Квинтилианом и ранними грамматиками, выдвигает на первое место анастрофу и тмезис, дополняя традиционные примеры (*tecum, quibus de rebus* и *Septemque triones* соответственно) цитатами из Цицерона, Горация и Вергилия.

Универсальная грамматика Пор-Рояля (1660), согласно которой люди могут и должны воздействовать на свою речь, завершается главой «О фигурах конструкций», где (вслед за античными грамматиками

ми) утверждается статус гипербата (наряду с силлепсисом, эллипсисом, плеоназмом) как синтаксической аномалии и как фигуры (а не тропа), т. е. как объекта изучения грамматики. Авторы ссылаются на сочинения К. Лансло «Nouvelles Methodes pour apprendre la langue grecque» (1655) и «Nouvelles Methodes pour apprendre la langue latine» (1644/56), в которых собраны примеры «всех этих» фигур. В Грамматике Пор-Рояля сказано, что «четыре особых способа выражения, называемых фигуральными (*figurees*) [...] являются как бы неправильностями с точки зрения грамматики (*irregularitez dans la grammaire*)», а все эти способы различны в разных языках. Наличие этих фигур в речи объяснено тем, что «люди часто в большей мере следуют *содержанию своих мыслей, чем словам*, служащим для их выражения и [...] *ради изящества* опускают слова, кажущиеся лишними, или меняют естественный порядок слов» [Арно, Лансло 1990: 98]. Эта грамматика стала основой для аналогичных идей в области риторики: риторика тоже должна быть универсальной, поскольку она, как и грамматика, имеет дело с мыслительными операциями, оформляемыми словесно.

Происходит возвращение идеи античного периода относительно связи между порядком слов и мыслительными процессами. Это был новый уровень понимания достоинств языка на основе возможностей (осмысляемых как богатство!) его морфологии и синтаксиса. В XVI–XVII вв., эпоху развития национальных языков и описания их грамматик, складывается новый подход к гипербату: изучение словопорядка как риторического средства должно опираться на знание грамматических особенностей конкретных языков. В этот период установлено, что есть языки, в которых возможности гипербата ограничены (французский, итальянский, испанский).

Б. Лами (1640–1715) принадлежат рассуждения о зависимости построения фразы от психического состояния: аффективные состояния разрушают структуру речи. Рациональная грамматика повлияла на труды С. Ш. дю Марсэ, включившего описание гипербата в «Логику и принципы грамматики» [Du Marsais 1769]. Подходы к гипербату Дю Марсэ, Г. Жирара, Н. Бозе, Ф. Домерга — отдельная большая тема, имеющая выходы на типологические исследования.

Грамматические характеристики гипербата описываются в связи с исследованиями метра, ритма, поэтических вольностей [Poran 2012: 88–101]. С XVII в. европейскую филологию занимает проблематика «золотой линии», восходящая к трудам Диомеда и трактату Беды Достопочтенного «De Arte Metrica» [Mayer 2002; Stephens 2000; Steen 2008; Heikkinen 2012]. Эта проблематика возникает в XVII в. в англоязычной школьной традиции, переходит в конце XIX в. в универси-

тетскую науку, становится популярной в 1960-е гг. История изучения понятия *versus aureus* с некоторым скепсисом по поводу преувеличения его значимости в среде филологов-классиков освещается в [Mayer 2020].

Именно развитие идей старых риторик и грамматик привело к тому, что в зарубежной лингвистике последних сорока лет стилистический аспект изучения гипербата уступил место психолингвистическому и прагматическому, развиваемому на материале новых языков [Reisen 1994]. Появляются исследования гипербата в когнитивном аспекте, связывающие восприятие порядка слов с оперативной памятью человека. Считается, что в языках с флективным склонением вероятность появления такого типа нарушения проективности выше, а его варианты разнообразнее [Bakker 1990; Gibson 1998; Thornton 2010]. Новое направление в исследованиях гипербата — сопоставление его функций в разных контекстах на основе анализа системы зависимостей [Powell 2010: 182].

3. Гипербат в русских риториках и грамматиках

3.1. Риторика и грамматика домоносковского периода

Первое упоминание гипербата связано с «Изборником 1073 года», в который вошел перевод трактата Георгия Хировоска *Περὶ τῶν ῥημάτων* [Максимович 1991: 112]. В ранних церковнославянских грамматиках [Адельфотес 1591; Лаврентий Зизаний 1596; Мелетий Смотрицкий 1619], оказавших влияние на русскую грамматическую традицию, и в переводной «Риторике» Псевдо-Макария (1620) его нет.

В «Риторике» Стефана Яворского в переводе Федора Поликарпова гипербат занимает место между перифразой и гиперболой, как в классических риториках. В европейской традиции пример этого тропа сопровождался комментарием, включавшим нормативное словорасположение элементов данного примера, но в «Риторической руке» (вероятно, в силу конспективности) этого нет:

Третий тропос в слове — иперватон (преход речи). И есть егда должный глаголом мешается чин. Наприклад: сие есть давно определено, ныне наконец попущено России нашея благополучие, яко толикими между браней крушениями ныне наконец низложеную толикими времени и толикими паденьми утружден, возвышает выю и прочая. Или хотяя глаголати о некой великой материи, начнеши чрез иперватон... [Яворский 1878: 47–48].

«Должный» порядок слов предположительно мог быть следующим:

Сие благополучие нашей России есть давно определено, ныне наконец попущено, яко толикими крушениями между браней, толикими времени и толикими паденьи утружден возвышает низложенную выю¹¹.

В разделе «Фигуры сентенциарум» под номером 18 есть описание «паренфесиса», или «междуположения» (вставной конструкции в скобках), которое не имеет к гипербату прямого отношения (как было в античных грамматиках).

Термин «гипербат» в трактате «О риторической силе» Софрония Лихуда (1698) истолкован через синонимы «прехождение» и «ступление» [ОР РГБ, ф. 299, № 532, л. 41] и через понятие «чин словес» [ОР РГБ, ф. 299, № 640, л. 23], однако его включение в состав тропов (между перифразисом и гиперболой) сохранено:

...есть егда чин словес смешавается, якоже глаголет Исократ к Димонику: искушай други от в житии злополучения и от в бедах приобщения, еже по чину случится кому рещи от злополучия в житии и от приобщения в бедах [ОР РГБ, ф. 299, № 532, л. 41].

В начале XVIII в. рукописные риторика используют в качестве синонима термины «превосходительное» и «смущение»:

...превосходительное [еже и смущение глаголатися может] бывает не хранящая по рядному чину речение, еже и наипаче сладость и красоту подает слову... [РНБ, Погод. 1659, л. 254].

Русский термин «превосходительное» — калька с греческого — содержит важное дополнение: приставку *вос-*, имеющую семантику «движение вверх». Этот перевод делает термин («перешагивание») более понятным. Действительно, если учесть, что в гипербате есть три зоны (первая, медианная и последняя), то при «перешагивании» медианной зоны происходит «восхождение» к последней. «Смущение» этимологически связано с представлением о нарушении структуры (смута, мятеж), т. е. с представлениями о *mixtura verborum* и «смятенном» состоянии человеческого духа (как это было в трактате «О возвышенном», хотя прямая связь с этим текстом недоказуема).

Старообрядческая Риторика-свод¹² дает следующее определение, которое соответствует квинтилиановскому определению анастрофы:

¹¹ «Это благополучие нашей России давно предопределено и ныне, наконец, попущено, подобно тому как распрямляет согбенную шею (поднимает голову) измученный столькими поражениями в войнах, стольким временем и столькими паденьями (неудачами)» (перевод наш. — Е. М.).

¹² Риторика-свод составлена из фрагментов разных риторик (Риторика Космы Грека, «Риторическая рука» Стефана Яворского, Риторика Лихудов и др.), но наша работа не является текстологической, поэтому мы не рассматриваем источники каждой цитаты. Подробнее см.: [Понырко 1981: 160–161].

иперватон (гипербатон, ипербат) — «преступление, егда чин словес при- ступаем или мешаем пременением в слове или в наречии, то есть которому речению чесому было по сочинению грамматическому бысть напреди, полагается назади» [БАН, *Друж.* 122, л. 584].

Примеры из рукописной риторики Козьмы Афоноверского (1712) позволяют говорить о понимании им термина как синонима синхизиса — «темного и протяженного» гипербата — в латинской традиции:

Ипербатон, или преходительное (еже и смущение глатися может) [...] сладость и красоту подаеть слову [...] И се парадигма сему: Алексий Москвы чудотворец явне являя от в мире сем жизни преславный преиде, но никогда же стареемей, славно ж со святых лики ликует в ней. Сия не по иперватону тропосу: Алексий чудотворец являя Москвы явне от жизни сущия в мире с емь преиде к не- стареемей когда и славно с лики святых в ней ликует [БАН, 21.8.5, л. 125 об.].

Первый вариант создан «по иперватону тропосу». Позиция подлежащего и сказуемого неизменна. Контактное словорасположение *Алексий чудотворец* заменено дистантным, обстоятельство места *Москвы* отделяется от глагола, к которому относится.

Общая особенность этих описаний — упоминание о «должном», а не о «естественном» порядке и отсутствие связи с поэтической традицией (как было в античных грамматиках). Примеры гипербата, описанные в риториках и грамматиках, представляют собой нарушение проективности синтаксических структур. Именно нарушения проективности усложняют понимание текста и вместе с тем демонстрируют мастерство автора, способного их создавать.

3.2. Риторика Феофана Прокоповича

Термин «фигура» используется в этой риторике как гипероним по отношению к тропам и фигурам речи. В основе классификации лежит функция, на основе чего выделены три группы фигур: 1) служащие для поучения, 2) способствующие услаждению, 3) относящиеся к возбуждению чувств. Гипербат оказывается и среди недостатков стиля, и в составе средств «услаждения» (между сравнением и метафорой), а парентеза — в группе фигур, «возбуждающих переживания». Феофан воспроизводит комментарий «Риторических наставлений» Квинтилиана, описание гипербата близко к (Quint. Inst. 9.4.68).

По мнению Феофана Прокоповича, «посредством гипербата, путем вставок многих колонов» [Прокопович 2020: 217] можно создать «растянутый период». Парентезы («вставки») уместны при описании нарушений последовательности событий. В тексте гипербат описан не как нарушение «должного», а как нарушение «естественного» порядка,

представление о «естественном» связано как с синтаксисом, так и с последовательностью событий. Например: «Он не думал лгать, потому что не было причины лгать»¹³. Чтобы пред своим именем (как это выяснилось из обстоятельств дела) устроить Милону засаду»¹⁴ [Ibid.: 134].

Феофан Прокопович описывает «неправильный гипербат» как недостаток, когда «слова, относящиеся друг к другу, отделены длинным промежутком или когда многие слова нарушают взаимный порядок расположения»:

Цицерон весьма изящно сказал: «Я обратил внимание, что вся речь обвинителя разделена на две части» (*animadverti omnem accusatoris orationem in duas divisam esse partes*). Здесь две инверсии: одна со стороны подлежащего — «вся речь обвинителя», другая со стороны сказуемого — «разделена на две части». Ведь «обвинителя» есть инверсия со стороны подлежащего, т. е. «речи», и с точки зрения грамматического строения находится ближе к нему; равным образом и «на две части» относится к сказуемому «разделена» и с ним связано в силу конструкции [Ibid.: 222].

Феофан Прокопович пишет о двух правилах: 1) нужно менять местами слова «лишь с теми словами, с которыми они имеют более близкую и тесную связь»; 2) «чтобы слова, относящиеся к подлежащему, не смешивались с теми, которые относятся к сказуемому» [Ibid.: 222]. Таким образом, в основе анализа гипербата в этом тексте лежит совмещение риторического и комментаторского подходов.

3.3. Риторика Ломоносова

В «Кратком руководстве к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненном» (1744) в составе тропов нет термина «гипербат», что было отступлением от упоминавшейся традиции описывать гипербат после парафразиса и перед гиперболой.

Сомнения Ломоносова по поводу целесообразности описания гипербата отразились в рукописи 1747 г., где зачеркнуто следующее: «§ 202. Ипербатон есть смешение речений, которым отделяются существительные от своих прилагательных или глаголы от своих имен, с которыми сочиняются» [Ломоносов 1952: 257]. В §202 предполагалось, вероятно, описать изменения словопорядка в соответствии с грамматической традицией, т. е. в связи с частеречными ограничениями. Однако термин не был включен в окончательный текст. Если бы Ломоносов сохранил это определение, оно было бы близко к определениям

¹³ Логичная последовательность: причины лгать не было, поэтому он и не думал лгать (Cic. Quinct. V:19).

¹⁴ Комментарий к Cic. Mil. X, 27 заимствован из «Риторических наставлений» Квинтилиана.

из античных грамматик, авторы которых обращали внимание на частеречную принадлежность элементов гипербата, но для Ломоносова было важно разделение функций грамматики и риторики.

В последнем прижизненном издании «Краткого руководства к красноречию» (1765) на месте, традиционном для гипербата, появляется термин «эмфазис»:

Тропы предложений суть пять: аллегория, парафразис, эмфазис, ипербола, ирония, от которых перед прочими украшениями получает слово особое возвышение и великолепие, а особливо от четырех первых. [...] Эмфазис есть когда действие или состояние вещи не прямо изображается, но разумеется из другого и чрез то великолепно возвышается [Ibid.: 253].

Ломоносовское определение «эмфазиса» применимо практически к любому тропу, так как речь идет о непрямом значении: под это определение подходит и метафора, и метонимия, однако для Ломоносова важной характеристикой эмфазы является единица, в рамках которой этот троп возможен: это предложение. Таким образом (*не прямо изображается*) мотивировано положение описываемых образцов среди тропов. Далее Ломоносовым пронумерованы типы «эмфазиса» с примерами:

1) по обстоятельствам, например: Сердца жаленьем закипели, / Когда под дерзким кораблем / Балтийски волны побелели. Побеление волн есть обстоятельство бегущего по морю корабля, чрез которое здесь скорое оно течение разумеется [Ibid.: 253]¹⁵.

В античных риториках этот тип гипербата называется гистерология. В реальности последовательность событий такова: 1) сначала пришел в движение корабль (каузатив под. + Твор. п.), 2) в результате движения корабля «побелели волны», 3) после этих двух событий — как следствие — «закипели» сердца: [(*под дерзким кораблем*) (*побелели Балтийски волны*)], после чего (*сердца закипели жаленьем*). Перестановке подвергаются все части: и синтаксически медианная (событийно первая) *под дерзким кораблем*, и синтаксически первая (событийно последняя) *Сердца жаленьем закипели*, и синтаксически последняя (фактически медианная) (*Когда*) *Балтийски волны побелели*. Эмфатически выделенной, по Ломоносову, оказывается финальная часть конструкции.

Остальные случаи гипербата, который Ломоносов обозначает термином «эмфазис», рассматриваются на основе текста Вергилия:

---

¹⁵ В этом разделе цитата из «Оды на прибытие из Голстинии и на день рождения его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня» — единственный пример, не заимствованный из иной языковой традиции.

2) по жизненным свойствам, наприм.: Небесной красоте дивится чистый Дафнис / И видит облаки и звезды под ногами (Виргилия, Екл. 5). То есть Дафнис на небе [Ломоносов 1952: 253].

Ломоносов имеет в виду текст Эклоги: «Candidus insuetum miratur limen Olympi | sub pedibusque videt nubes et sidera Daphnis». Цитата из Вергилия была узнаваема образованными читателями, так как входила в число постоянно комментируемых¹⁶. Правильный порядок слов на латыни был бы таким: «Candidus Daphnis sub pedibusque videt nubes et sidera, insuetum miratur limen Olympi»¹⁷.

В переводе порядок слов русифицируется, поэтому без знания Вергилия невозможно понять, какой же элемент предложения эмфатически выделен и каким образом Ломоносов адаптирует толкование для русского читателя. Ломоносов поясняет эмфатический эффект гипербата у Вергилия, а не в русском переводе. «Жизненное свойство» Дафниса — *Candidus* (первый элемент в начале строки держит в ожидании читателя (кто «светлый, чистый»?). Это заставляет всматриваться в медианную зону: фрагментом между первым (*Candidus*) и последним (*Daphnis*) словами предложения. В терминологии античных риторик это синхизис.

Другой пример Ломоносова в описании этого же типа гипербата: «Раздранный Гектор здесь страшил коней ахейских. То есть здесь Гектора волочил Ахиллес» [Ibid.: 253–254]. Речь идет о гибели Гектора, «укротителя коней», в «Илиаде». Ахиллес проколол сухожилья уже мертвого, истерзанного Гектора и, привязав его к колеснице, ударил коней бичом. «Раздранный («жизненное свойство») Гектор, будучи уже мертвым, «страшил коней». Эта строка в «Илиаде» повторяется (XXII: 395, XXIII: 20). Ахиллес «замыслил» недостойное дело, когда Гектор уже был мертв¹⁸. Это несоответствие реальной последовательности событий их описанию.

Кроме «жизненных свойств», по Ломоносову, эмфатически могут быть выделены характеристики места и времени:

3) по месту или времени, например: Виргилий говорит о Цербере, что он растянулся по неизмеримой пещере, и о выходе греков из коня в Трое, что спустились они по веревке, и чрез то показывает ужасную величину одного адского пса и вышины коня троянского [Ломоносов 1952: 253–254].

¹⁶ По данным корпуса Роэлли, ее упоминают Сацердот (Sacerdot, Artes: Lib. II, de dactylico metro); Сервий (Servius, In Vergilii Eclogarum comentarii (Ecl. II. 46); Цервинус в надгробной речи (Cervinus, Oratio funebris in Joaehem Gotium); Готфрид (Gaufridus S., Epistola XXVIII. Ad Fratres Baugezienses); Марко Марулич в сборнике цитат и общих мест на разные темы (Marulus Spalatensis, «Repertorium»); Масена в «Зеркале образа скрытой мысли» (Masenius, Speculum imaginum veritatis occultae, Lib. III) и др.

¹⁷ «Светлый Дафнис под ногами видит небо и звезды, дивится на пороге необыкновенного Олимпа».

¹⁸ Пер. Н. И. Гнедича: «Рек — и на Гектора он недостойное дело замыслил».

Примеры заимствованы Ломоносовым из Квинтилиана. Там эти примеры служат для объяснения связи эмфазы со смыслом: «Vicina praedictae sed amplior virtus est ἔμφασις, altiore praebens intellectum quam quem verba per se ipsa declarant. Eius duae sunt species, altera, quae plus significat quam dicit, altera, quae etiam id quod non dicit»¹⁹ (Quint. Inst. 8, 3: 83). Ломоносов имеет в виду цитаты: (Verg. Aen. VI: 419–423) и (Verg. Aen. II: 260–262). Внешнее сходство примеров *Cerberus [...] immanis in antro* и *demissum lapsi per funem* обманчиво.

Называя эти случаи эмфазой, Ломоносов пишет о порядке слов в латыни, а не в русском переводе, но пытается применить эти сведения и к русскому тексту.

Первый пример (именно в переводе!) может быть и анастрофой, и синхизисом, так как в русском языке «неизмеримой, огромной» может относиться и к пещере, и к Церберу²⁰ (либо это женский род (*в огромной пещере*), либо мужской (*Цербер огромной*). То есть в переводе, который дает Ломоносов, есть альтернативная зависимость члена предложения, порождающая возможность двойного понимания, которую порицали древние грамматики. Первый пример мог бы быть включен в описание «качеств», вместе с «чистым Дафнисом», и в этом случае мы бы признали, что *immanis* — определение Цербера. Но обратим внимание на то, что в классификации Ломоносова говорится о «месте и времени», следовательно, огромной он все-таки считает пещеру. Это дает основание не согласиться с мнением А. А. Костина: «...как и у Ломоносова, определение ‘immanis’ (огромный) относится не к пещере, а к чудищу...» [Костин 2015: 28]. К Церберу определение относится у Вергилия.

Второй пример традиционно считается анастрофой: вместо *demissum lapsi per funem* необходимо, чтобы дополнение *per funem demissum* предшествовало глаголу *lapsi*²¹. В латыни при нейтральном словопорядке дополнения должны предшествовать глаголу [Devine, Stephens 2000: 79]. Такой анализ позволяет понять, какая связь между эмфазой и изображением «вышины коня троянского»: ведь этот

¹⁹ Пер. А. С. Никольского: «К вышесказанному роду красот близко подходит род выражений, гораздо превосходнейший, называемый ἔμφασις, в котором более нежели слова сами по себе означают. Он разделяется на два вида: то есть иногда больше означает, нежели сказано, а иногда означает то, чего не сказано» [Квинтилиан 1834].

²⁰ Пер. С. А. Ошерова: «Лежа в пещере своей, в три глотки лаял огромный Цербер...»

²¹ По данным корпуса Роэлли, *demissum lapsi per funem* комментируется Сервием (Servius, In Vergilii Aeneide comentarii. Lib. II); Исидором (Isidorus Hispalensis, Etymologiae: Lib. II, De rhetorica et dialectica. Cap. XX); Рафаэлем Регием (Raphael Regius, Commentum in Ovidii Metamorphoses: Raphaelis Regii in quartum metamorphoseos Ovidii librum enarrationes II).

перенос заставляет задерживать внимание именно на сброшенном вниз канате²².

4) когда предыдущее разумеется чрез последующее: Волы несут домой повешенные плуги (Виргилий, Екл. 4²³). То есть землю пахать ввечеру перестали [Ломоносов 1952: 254].

Речь идет о примере *aspice, aratra iugore referent suspense iuveni*²⁴. По Ломоносову, «предыдущее» (плуги) понимается через «последующее» (повешенные), т. е. сначала были повешены плуги, а после этого пошли волы²⁵. В тексте Вергилия плуги, вынесенные на первое место, в сильной позиции, и читатель ждет информации о плугах после императива (*aspice*). На языке античных риторик это гистерология.

5) ...когда тот, кто о каком действии рассказывает, представляется как бы он само оно производил. Так Виргилий говорит о Силене в 6 Еклоге: Корой обводит сестр продерзка Фаэтонта / И ольхи на земли велики производит. То есть поет о перемене Фаэтонтовых сестр в ольхи [Ibid.].

Ломоносов снова анализирует Вергилия:

Tum canit Hesperidum miratam mala puelam
tum Phaethontidas musco circumdat amarae
cortices atque solo proceras erigit alnos (Verg. Ecl. VI: 63–64).

У Вергилия Орфей пел Гесперид и Фаэтонтиад и превращал последних в ольховые деревья²⁶. В этих строках мы видим изысканное нарушение проективности, как и в предыдущих примерах. Но Ломоносов комментирует другое явление: двойной смысл, который возникает как результат гипербата. К глаголу *canit* относится один аккузатив (*девушку*), но в начало следующей строки выносится другой аккузатив *Phaethontidas*, который читается как зависимый от *canit*, хотя на самом деле зависит в предложении от *circumdat*. Эмфаза — *Phaethontidas*, которая

²² В русском переводе прилагательное *demissus* («висячий») заменено обстоятельством «вниз»: «Вниз, по канату скользнув, спустились Фоант с Акамантом...» (пер. С. А. Ошерова). За обсуждение этого примера благодарю М. Ю. Шевченко.

²³ Виргилий. Эклога 2. В [Ломоносов 2017: 122] ошибка.

²⁴ По данным корпуса Розелли, комментируется также в: Servius, In Vergilii Eclogarum comentarii Ecloga II; Uberto Foglietta, De linguae latinae usu et praestantia liber I.

²⁵ С. А. Ошеров изящно обходит этот момент, не присоединяя эпитет: «Видишь, плуги на ярмах обратно быки свои тащат...»

²⁶ Пер. С. А. Ошерова: «Пел он, Фаэтонтиад замшею горькой корою / Стан облекал, из земли высоко подымал он деревья». Русский перевод с сохранением порядка слов выглядел бы так: «Затем поет Гесперид восхитившуюся яблоками девушку / Затем Фаэтонтиад мхом оборачивает горькой коры и при этом на земле высокие возвращает ольхи». Благодарю за перевод и разъяснение этого примера К. В. Суториуса.

в начале воспринимается так: Орфей «затем поёт [...] затем яблоки Гесперид, затем Фаэтонтиад».

Пример Ломоносов, вероятно, заимствовал у Флация (1520–1575) [Flacius]²⁷. Флаций, ссылаясь на Аристотеля, рассматривает этот текст как образец фигуры «омойома». Подразумевается воображаемое, а не реальное событие. Это значит, что пением Орфей превращает сестер в ольху, а не создает из них деревья в реальности [Flacius]

Итак, примеры, приводимые Ломоносовым в качестве эмфазы, были отсылками к узнаваемым образцам гипербата из Вергилия. Ломоносов характеризует гипербат (нарушение словопорядка) через его функции и интерпретирует получаемый эффект, опираясь на комментаторскую и риторическую, а не на грамматическую традицию, и выносит эмфазу — обозначение результата «перешагивания» — в заглавие раздела.

Формально термин «гипербат» у Ломоносова исчез, но его замена «эмфазой» спровоцировала неверное восприятие контекста читателями. По этому пути пошел и С. С. Волков [Волков 2017: 122–123]. Современное же описание тропов и фигур на основе их функции и включение гипербата в группу «эмфатических фигур» (по В. П. Москвину) можно считать возвращением к ломоносовской концепции.

3.4. Перевод риторики Скуфоса

Принадлежащая двум традициям и двум периодам Риторика Скуфоса (1681) оказала большое влияние на русскую риторическую мысль конца XVII — начала XVIII в. «Златослов» (1779), представляющий греческую риторическую традицию, был переведен С. И. Писаревым и дополнен примерами на русском языке. «Можно думать, что одним из побудительных мотивов для Писарева послужил выход из печати риторических трудов М. В. Ломоносова, чье “Краткое руководство к красноречию” в 1765 г. было тогда же повторно опубликовано двумя изданиями в Москве и Санкт-Петербурге. Вероятно, Стефан Иванович Писарев, всю жизнь тяготевший к греческой образованности, полагал, что составленное еще в XVII в. образцовое пособие Франкискоса Скуфоса послужит для российского читателя XVIII в. нисколько не устаревшим или даже более совершенным руководством, чем риторический труд Ломоносова» [Рамазанова 2023: 267].

В «Златослове» гипербат стоит между перифразой и гиперболой (по традиции) и, соответственно, считается тропом. Троп определяется как «пременение [...] слова и речения из его собственного в другое знаменование» [Златослов 1779: 86].

²⁷ Нам неизвестны упоминания этого текста в качестве возможных источников «Риторики» Ломоносова.

Это определение решает проблему с понятием «переноса» (изменения) значения, поскольку позволяет включать в разряд тропов все языковые средства, в основе которых лежит мелодика или интонация, так как слово, произносимое не так, как обычно, приобретает значение, отличное от «собственного», т. е. прямого.

Весма много употребляют гипербат и стихотворцы, иногда и для прикрасы стиха да и чтоб придать ему надлежащую приятность, а иногда по требованию в нем меры. И так прелагают они предлоги и наречия. Да еще усекают речения и разносят слова, ибо чрез усечения бывают они приятнее, чем цело положенные [Златослов 1779: 96].

Это рассуждение непосредственно связано с античной грамматической классификацией типов гипербата (анастрофа — это обычно перемещение предлогов и наречий, а замена «цело положенного» дистантным размещением его элементов — парентеза и тмезис). Из всего богатства терминов, обозначающих виды «перешагивания» в словопорядке, в переводе «Златослова» остались только гипербат и синхизис. Последний, будучи включен в определение, вероятно, воспринимался уже просто как синоним гипербата:

Иперват, или переход, что и смешением [Σύγχησις] еще называется, есть то, когда мы не наблюдаем порядка слов, но таким образом их перемешиваем, что и самая смесь придает красоту слову, и охоту слушателям [Златослов 1779: 95].

Писарев пытался вернуть русскую риторику к традиции демонстрировать два типа словорасположения — должный и «искусный». Он делал это на том же, что и Лихуд, примере из слова «К Демонику» Исократы (Псевдо-Исократы), одного из самых цитируемых авторов в греческой образовательной традиции [Чепель 2019: 49]. Важны два момента: Писарев различает фигуративный и нефигуративный словопорядок (как это было в трудах грамматиков и комментаторов, а также в русских рукописных риториках рубежа веков) и применяет сведения о гиперbate к русскому языку, хотя на «общем нашем языке» пример гипербата дает без комментария.

Не исключено, что этот раздел «Златослова» имеет некий полемический (по отношению к Ломоносову) посыл, однако эта гипотеза бездоказательна.

3.5. Риторика и грамматика в послеломоносовский период

Вероятно, недостаточное внимание читателей Ломоносова к тому, каким образом соотносится его концепция с описаниями гипербата в западноевропейской традиции филологического комментирования

древних текстов, стало в дальнейшем одной из причин сокращения информации о гипербате в российской традиции. Авторитет Ломоносова, который поставил термин «эмфаза» на место «гипербата», повлиял на судьбу термина в российской риторике.

В «Краткой риторике» А. Ф. Мерзлякова гипербат не упоминается, но подчеркивается, что «несохранение правил синтаксиса порождает потерю смысла и является погрешностью: темнота стиля происходит или от недостатка и неполноты выражений, или от неправильного расположения слов, который нарушает связь между мыслями» [Мерзляков 1828: 24]. К порокам автор относит и «сбивчивость от темноты и замешательства в мыслях, которые не обдуманы и не расположены, как должно, в голове нашей» [Мерзляков 1828: 25], и даже «вставочные предложения», которых избегают «лучшие писатели» [Мерзляков 1828: 37–40].

В риторике И. С. Рижского эмфаза описана в разделе «Тропы» между метателесисом и гипаллагой [Рижский 1796: 42]. Н. Ф. Кошанский также размещает эмфазу среди тропов (после гиперболы) и характеризует ее как вид гиперболы [Кошанский 1830: 116], причем оба описания (в отличие от ломоносовского) не связаны с порядком слов. Следовательно, идея Ломоносова описать классификацию гипербата на основе не грамматического, а функционального подхода не представляла интереса для этих авторов учебных российских риторик.

По-иному выглядит описание гипербата в Грамматике А. А. Барсова (1784–1788). Он использует термин «эмфаза», обращаясь к понятиям «естественный» и «логический» порядок. Понятие «синхизис» не связано с представлением о «темноте» и «протяженности»: «Слияние (Synchysis) есть перебитый и смешенный порядок слов на пр. “Чинить премену что во всем? Вместо что чинить во всем премену?”» И далее: «Как брату своему я тщился, Как ближним, так им угождать» [Барсов 1981: 240].

Термин «анастрофа» понимается как *превращение*: «...когда предлог полагается после своего падежа или предлог со своим падежем после возносительного местоимения на пр. Христа ради, бога для. Дело котораго къ произведению требуется ума великаго. Вместо к произведению котораго» [Барсов 1981: 240].

Эмфатическое выделение слова описывается как особенность произношения, но без термина *гипербат*.

В постломоносовский период в литературе постепенно формируется новая тенденция: необходимо ясное выражение мысли. Этой тенденции противоречат изыски и эксперименты, связанные с нарушением проективности синтаксических структур. Гипербат как языковое средство впоследствии утрачивает свои позиции в прозе, хотя сохраняется в языке поэзии.

4. Итоги

История изучения гипербата в отечественной традиции зародилась в конце XVII — начале XVIII в. В это время гипербат рассматривался как троп, а классификация его разновидностей, восходящая к античным грамматикам, не применялась, что в целом соответствовало европейской риторической традиции.

Теория гипербата в русских риториках XVII в. не имела грамматического фундамента, не было ни преемственности дидактических материалов, ни славянских поэтических текстов, имевших статус авторитетных, ни опыта написания комментариев к ним. Несмотря на эти обстоятельства, оригинальные примеры в риториках демонстрируют глубокое понимание книжниками структуры гипербата и включенность их в общий для этого времени процесс изучения риторического потенциала грамматик национальных языков.

Феофан Прокопович на латыни и М. В. Ломоносов на русском языке по-разному описывают гипербат, но у них есть две общих особенности: 1) описания гипербата в обеих риториках связаны с классической филологией и 2) описана не структура гипербата, а производимый им эффект. Феофан опирается на Квинтилиана, Ломоносов же использует опыт комментаторов Вергилия. Попытка Ломоносова включить в описание тропов термин «эмфазис», сопроводить его отсылками к известным образцам гипербата, видимо, не была по достоинству оценена современниками. Не последней тому причиной стала нарастающая тенденция к обособлению отдельных областей филологического знания.

Типы гипербата, описанные в древних грамматиках, являются образцами нарушения проективности. Можно утверждать, что рост интереса лингвистов к этому специфическому грамматическому явлению и, следовательно, возвращение термина в русистику, обусловлено интенсификацией логических, психолингвистических, прагматических исследований синтаксиса.

Из сказанного следует вывод, имеющий отношение к методам изучения русской риторической терминологии: «экземплюмы» требуют большего внимания, чем сами иллюстрируемые ими термины и их синонимы, поскольку именно подбор примеров и комментарии к ним, с одной стороны, открывают ход мыслей составителя риторики, а с другой стороны, являются ключом к исследованию риторических фигур в аспекте лингвистической типологии.

Сокращенные названия библиотек и архивов

БАН — Библиотека Российской академии наук (Научно-исследовательский отдел рукописей) (С.-Петербург).

РНБ — Российская национальная библиотека (Отдел рукописей) (С.-Петербург).

ОР РГБ — Российская государственная библиотека (Отдел рукописей) (Москва).

Сокращенные названия античных текстов

Cic. Pro Cl. — M. Tullius Cicero, *Pro Cluentio*

Cic. Pro Mil. — M. Tullius Cicero, *Pro Milone*

Quint. Inst. — Mark Fabius Quintilianus, *Institutionis oratoriae libri duodecim*

Verg. Aen. — Vergilius Maro, *Aeneis*

Verg. Ecl. — Vergilius Maro, *Eclogae*

Verg. Georg. — Vergilius Maro, *Georgica*

Библиография

Источники

Рукописи

БАН, *Друж.* 122

Риторика-свод. БАН. Собр. Дружинина № 122 (153). После 1726 г.

БАН, 21.8.5

Риторика. БАН. 21.8.5. (Северное собр., № 644). I-я треть XVIII в.

РНБ, *Погод.* 1659

Риторика. РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1659. I-я треть XVIII в. 308 л.

ОР РГБ, *ф.* 299. № 532

Риторика Софрония Лихуда в 4-х книгах. ОР РГБ. Ф. 299. Собр. Н. С. Тихонравова. № 532. XVIII в.

ОР РГБ, *ф.* 299. № 640

Риторика Софрония Лихуда в 3-х книгах. ОР РГБ. Ф. 299. Собр. Н. С. Тихонравова. № 640. сер. XVIII в.

Публикации

Арно, Лансло 1990

Арно А., Лансло К., *Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля*, Бокадорова Н. Ю., пер., Москва, 1990.

Барсов 1981

Российская грамматика А. А. Барсова, Тоболова М. П., подгот. текста и текстол. коммент., Успенский Б. А., ред., Москва, 1981.

Златослов 1779

Златослов, или Открытие риторския науки, то есть искусство витийства, С.-Петербург, 1779.

Квинтилиан 1834

Квинтилиан Марк Фабий, *Двенадцать книг риторических наставлений*, пер. с лат. А. Никольским, С.-Петербург, 1834.

Кошанский 1830

Кошанский Н. Ф., *Общая риторика*, С.-Петербург, 1830.

Ломоносов 1952

Ломоносов М. В., Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки, *Полное собрание сочинений*, 7: *Труды по филологии 1739–1758 гг.*, Москва, Ленинград, 1952, 89–378.

Максимович 1991

Максимович К. А., «О тропах, или об оборотах речи» (Трактат Георгия Хировоска в Изборнике Святослава 1073 г. Перевод и комментарий), *Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка*, 1, Москва, 1991.

Малявина 1985

Малявина Л. А., *У истоков языкознания нового времени (Универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва» 1587 г.)*, Москва, 1985.

Мерзляков 1828

Мерзляков А., *Краткая риторика*, Москва, 4-е изд., 1828.

Прокопович 2020

Прокопович Ф. *Об искусстве риторическом десять книг*, Стратановский Г. А., пер., Николаев С. И., отв. ред., Маркасова Е. В., Николаев С. И., подгот. текста, Маркасова Е. В., коммент.; Введенская Е. В., научн. ред. пер., Москва, С.-Петербург, 2020.

Рижский 1796

Рижский И. С. *Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в Санкт-Петербургском горном училище*, С.-Петербург, 1796.

О возвышенном 1966

О возвышенном, Чистякова Н. А., пер., ст. и примеч., Москва, Ленинград, 1966.

Яворский 1878

Яворский С., *Риторическая рука*, пер. с лат. Феодора Поликарпова, С.-Петербург, 1878.

Beda 1863

Bedae Venerabilis, *Liber de schematibus et tropis*, *Rhetores Latini minores*, Halm C., ed., Leipzig, 1863.

Charisius

Flavius Sospater Charisius, *Artis grammaticae libri V*, Barwick C., Kühnert F., eds. (<https://mlat.uzh.ch/browser?path=14016>).

Diomed 1857

Diomedis, *Artis Grammaticae Libri III*, *Grammatici Latini, Vol 1.*, Keil H., ed., Lipsiae, 1857, 228–529.

Donatus 1864

Donatus, *Ars grammatica, Grammatici Latini, Vol 4*, Keil H., ed., Lipsiae, 1864, 353–402.

Du Marsais 1769

Du Marsais C.-Ch. *Logique et principes de grammaire*, Paris, 1769.

Flacius 1581

Flacius Illyricus, Matthias, *Clavis scripturae sacrae, pars prima*. (<https://mlat.uzh.ch/browser?path=13226>).

Iulianus Toletanus 1855

Iulianus Toletanus, *Ars grammatica, poetica et rhetorica* (<https://mlat.uzh.ch/browser?path=14104>).

Hrabanus Maurus 1851

Expositiones in Leviticum, *Patrologia Latina*, 108, J.-P. Migne J.-P., ed., Paris, 1851.

Minerva 1664

Minerva, *De causis latinae linguae commentarius, cui accedunt animadversiones et notae Gasperis Scioppii (et Sanctis grammatica latina.) Franciscus Sanchez-Brocensii*, Amsterdam, 1664.

Rhetorica ad Herennium 1954

Rhetorica ad Herennium, with an English Translation by H. Caplan (= Loeb Classical Library), London, 1954.

Sacerdot 1874

Sacerdos, Marius Plotius, *Artes Grammaticae, Grammatici Latini, Vol. 6*, Keil H., ed., Lipsiae, 1874, 427–546.

Литература

Аверинцев 2005

Аверинцев С. С., Связь времен, *Idem, Собрание сочинений*, Киев, 2005.

Алпатов 2019

Алпатов В. М., Европейская лингвистическая традиция в сравнении с другими, *Ориенталистика*, 2019, 4, 1009–1020.

— 1999

Алпатов В. М., *История лингвистических учений*, Москва, 1999.

Ахманова 1966

Ахманова О. С., *Словарь лингвистических терминов*, Москва, 1966.

Боровский 1977

Боровский Я. М., Незамеченный гипербат у Пушкина (К тексту стихотворения «Безверие»), *Временник Пушкинской комиссии*, 1977, Ленинград, 1980, 115–118.

Волков 2017

Волков С. С., Эмфазис, *Риторика М. В. Ломоносова*, Бухаркин П. Е. и др., науч. ред., С.-Петербург, 2017, 121–125.

Гаспаров 1986

Гаспаров М. Л., Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики, *Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье*, Москва, 1986, 91–173.

Изотов, Изотов 2017

Изотов В. П., Изотов В. В. Тмезис: слитно, полуслитно, раздельно, *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2017, 3 (75), 117–119.

Квятковский 1966

Квятковский А. П., *Поэтический словарь*, Роднянская И., науч. ред., Москва, 1966.

Кормилина 2014

Кормилина А. А., Представление о порядке слов в античной грамматической традиции, *Philologia Classica*, 2014, 9, 262–274.

Костин 2015

Костин А. А., Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы), *Slavica Revalensia*, 2015, 2, 9–34.

ЛЭС 1990

Лингвистический энциклопедический словарь, Ярцева В. Н., ред., Москва, 1990.

Маркасова 2002

Маркасова Е. В., *Представления о фигурах речи в русских риториках XVII – начала XVIII века*, Петрозаводск, 2002.

Махов 2010

Махов А. Е., отв. ред., *Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель*, Москва, 2010.

Москвин 2006

Москвин В. П., Выразительные средства современной русской речи, *Тропы и фигуры: общая и частные классификации. Терминологический словарь*, Москва, 2006.

——— 2013

Москвин В. П., О подходах к определению понятия «троп», *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2013, 72 (2), 20–31.

——— 2015

Москвин В. П., *Теоретические основы стилистики*, Москва, 2015.

Николаев 1995

Николаев С. И., Трудный Кантемир (Стилистическая структура и критика текста), *XVIII век*, 1995, 19, 3–14.

Новожилов 2022

Новожилов А. В., О различиях между гипербатом и инверсией, *Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сборник научных статей*, Шереметьева Е. С., Стародумова Е. А., Анисова А. А., отв. ред., Владивосток, 2022, 312–320.

Падучева 1971

Падучева Е. В., О порядке слов в предложениях с сочинением: сочинительная проективность, *Научно-техническая информация*, 1971, 2 (3), 14–18.

Понырко 1981

Понырко Н. В., Учебники риторики на Выгу, *Труды Отдела древнерусской литературы*, Ленинград, 1981, 36, 154–162.

Рамазанова 2023

Рамазанова Д. Н., Экземпляр греческого издания «Искусства риторики» Франкискоса Скуфоса (Венеция, 1681) — источник русского перевода Стефана Писарева, *Румянцевские чтения-2023. Материалы Международной научно-практической конференции (18–20 апреля 2023 г.)*, 2, 2023, Москва, 262–269.

Севбо 1971

Севбо И. П., О громоздкости синтаксических структур, *Научно-техническая информация*, 1971, 2 (2), 41–45.

Сквородников 2005

Сквородников А. П., ред., *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты*, Москва, 2005.

Тимофеев, Тураев 1974

Тимофеев Л. И., Тураев С. В., ред.-сост., *Словарь литературоведческих терминов*, Москва, 1974.

Хазагеров 2011

Хазагеров Г., *Риторический словарь*, Москва, 2011.

——— 2022

Хазагеров Г., *Четыре взгляда на троп*, Москва, 2022.

Хосроев 2016

Хосроев А. Л., Об одном раннем толковании 2 Кор 4:4, *Источниковедение культурных традиций Востока: гебраистика — эллинистика — сирология — славистика* (= Филология и культурология), Битнер К. А., Смелова Н. С., отв. ред., С.-Петербург, 2016, 137–143.

Чепель 2019

Чепель Е. Ю., «К Демонику» (Псевдо-)Исократ в позднеантичной традиции: P. Ross. Geogr. I. 16 и другие фрагменты из Египта, *Египет и сопредельные страны*, 2019, 1, 49–58.

Янко 2008

Янко Т. Е., *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте*, Москва, 2008.

Bakker 1990

Bakker E. J., Homeric Discourse and Enjambement: A Cognitive Approach, *Transactions of the American Philological Association*, 1990, 120, 1–21.

Devine, Stephens 2000

Devine A. M., Stephens L. D., *Discontinuous Syntax: Hyperbaton in Greek*, New-York, Oxford, 2000.

——— 2006

Devine A. M., Stephens L. D., *Latin Word Order: Structured Meaning and Information*, Oxford, 2006.

Elice 2008

Elice M., Hyperbaton, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 9, Ueding G., Hrsg., Jens W., Mitbegr., Tübingen, Berlin 2008, 592–596.

Gibson 1998

Gibson, E., Linguistic complexity: locality of syntactic dependencies, *Cognition*, 1998, 68, 1–76.

Heikkinen 2012

Heikkinen S., *The Christianisation of Latin Metre: A Study of Bede's De Arte Metrica*, Helsinki, 2012.

Historisches Wörterbuch der Rhetorik 1992–2014

Historisches Wörterbuch der Rhetorik, Ueding G., Hrsg., Jens W., Mitbegr., 1–11, Tübingen, Berlin, 1992–2014.

Keith Percival 1983

Keith Percival W., Grammar and Rhetoric in the Renaissance, *Renaissance Eloquence: Studies in the Theory and Practice of Renaissance Rhetoric*, Murphy J. J., ed., Berkeley, CA, 1983, 303–330.

Kennedy 1994

Kennedy G., *A New History of Classical Rhetoric*, Princeton, 1994.

Lanham 1991

Lanham R. A., *A Handlist of Rhetorical Terms*, 2nd ed., California, 1991.

Lausberg 1998

Lausberg H., *Handbook of Literary Rhetoric: A Foundation for Literary Study*, Orton D. F., Anderson R. D., eds., Leiden, Boston, Cologne, 1998.

Mayer 2002

Mayer K., The Golden Line: Ancient and Medieval Lists of Special Hexameters and Modern Scholarship, *Latin Grammar and Rhetoric. From Classical Theory to Medieval Practice*, Lanham C. D., ed., London, New York, 2002, 139–179.

——— 2020

Mayer K., The schoolboys' revenge: how the golden line entered classical scholarship, *Classical Receptions Journal*, 2020, 12 (2), 248–278.

Popan 2012

Popan M., *L'hyperbate nominale en latin: construction, typologie, raison de texte. Linguistique*, Toulouse, 2012.

Powell 2010

Powell J., Hyperbaton and register in Cicero, *Colloquial and Literary Latin*, Dickey E., Chahoud A., eds., Cambridge, 2010, 163–185.

Reisen 1994

Reisen E., *Rhetorische Tropen in psychoanalytischer Sicht*, Stuttgart, 1994.

Schindler 2008

Schindler C., Synchysis, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 9, Ueding G., Hrsg., Jens W., Mitbegr., Tübingen, Berlin, 2008.

Spevak 2010

Spevak O., *Constituent Order in Classical Latin Prose*, Amsterdam-Philadelphia, 2010.

Steen 2008

Steen J., *Verse and Virtuosity: The Adaptation of Latin Rhetoric in Old English Poetry*, Toronto, 2008.

Thornton 2010

Thornton E., Horace's Hyperbaton: Wrapping One's Head around 'Word Warps' and Patching Up a Gaping Language Gap, *Continuum Studies in Translation*, Fawcett A., Guadarrama García K. L., Hyde R., eds., London, 2010, 39–66.

Torzi 2000

Torzi I., *Ratio et usus: Dibattiti antichi sulla dottrina delle figure*, Milano, 2000.

Young 1932

Young A. M., Schematized Word Order in Vergil, *The Classical Journal*, 27, 1932, 515–522.

References

Averintsev S. S., *Sviaz' vremen, Idem, Sobranie sochinenii*, Kyiv, 2005.

Alpatov V. M., The European linguistic tradition as compared to other traditions, *Orientalistica*, 4, 2019, 1009–1020.

Alpatov V. M., *Istoriia lingvisticheskikh uchenii*, Moscow, 1999.

Akhmanova O. S., *Slovar' lingvisticheskikh terminov*, Moscow, 1966.

Bakker E. J., Homeric Discourse and Enjambement: A Cognitive Approach, *Transactions of the American Philological Association*, 1990, 120, 1–21.

Borovsky Ya. M., *Nezamechennyi giperbat u Pushkina (K tekstu stikhovoreniia «Bezverie»)*, *Vremennik Pushkinskoi komissii*, 1977, Leningrad, 1980, 115–118.

Chepel E. Yu., (Pseudo-)Isocrates' 'Ad Demonium' in late Antique tradition: P. Ross. Georg. I. 16 and other fragments from Egypt, *Egypt and Neighbouring Countries*, 2019, 1, 49–58.

Devine A. M., Stephens L. D., *Discontinuous Syntax: Hyperbaton in Greek*, New-York, Oxford, 2000.

Devine A. M., Stephens L. D., *Latin Word Order: Structured Meaning and Information*, Oxford, 2006.

Elice M., Hyperbaton, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 9, Ueding G., Hrsg., Jens W., Mitbegr., Tübingen, Berlin 2008, 592–596.

Gasparov M. L., *Srednevekovye latinskie poetiki v sisteme srednevekovoi grammatiki i ritoriki, Problemy literaturnoi teorii v Vizantii i latinskom srednevekov'e*, Moscow, 1986, 91–173.

Gibson, E., Linguistic complexity: locality of syntactic dependencies, *Cognition*, 1998, 68, 1–76.

Heikkinen S., *The Christianisation of Latin Metre: A Study of Bede's De Arte Metrica*, Helsinki, 2012.

Izotov V. P., Izotov V. V. Tmesis: Together, Semi-together, Separately, *Scientific notes of Orel State University*, 2017, 3 (75), 117–119.

Keith Percival W., Grammar and Rhetoric in the Renaissance, *Renaissance Eloquence: Studies in*

the Theory and Practice of Renaissance Rhetoric, Murphy J. J., ed., Berkeley, CA, 1983, 303–330.

Kennedy G., *A New History of Classical Rhetoric*, Princeton, 1994.

Kormilina A. A., The view of word order in the ancient grammatical tradition, *Philologia Classica*, 2014, 9, 262–274.

Kostin A. A., A Creative History of Mikhail Lomonosov's "Kratkoe rukovodstvo krasnorechiiu" in Light of Some Compilations: New Perspectives, *Slavica Revalensia*, 2015, 2, 9–34.

Khazagerov G., *Ritoricheskii slovar'*, Moscow, 2011.

Khazagerov G., *Chetyre vzgliada na trop*, Moscow, 2022.

Khosroev A. L., *Ob odnom rannem tolkovanii 2 Kor 4:4, Istochnikovedenie kul'turnykh traditsii Vostoka: gebrastika – ellinistika – sirologiia – slavistika*, Bitner K. A., Smelova N. S., eds., St. Petersburg, 2016, 137–143.

Kvyatkovsky A. P., *Poeticheskii slovar'*, Rodnianskaia I., ed., Moscow, 1966.

Lausberg H., *Handbook of Literary Rhetoric: A Foundation for Literary Study*, Orton D. F., Anderson R. D., eds., Leiden, Boston, Cologne, 1998.

Markasova E. V., *Predstavleniia o figurakh rechi v russkikh ritorikakh 17 – nachala 18 veka*, Petrozavodsk, 2002.

Makhov A. E., ed., *Evropeiskaia poetika ot antichnosti do epokhi Prosveshcheniia: Entsiklopedicheskii putevoditel'*, Moscow, 2010.

Mayer K., The Golden Line: Ancient and Medieval Lists of Special Hexameters and Modern Scholarship, *Latin Grammar and Rhetoric. From Classical Theory to Medieval Practice*, Lanham C. D., ed., London, New York, 2002, 139–179.

Mayer K., The schoolboys' revenge: how the golden line entered classical scholarship, *Classical Receptions Journal*, 2020, 12 (2), 248–278.

Moskvin V. P., Vyrzitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi, *Tropy i figury: obshchaia i chastnye klassifikatsii. Terminologicheskii slovar'*, Moscow, 2006.

Moskvin V. P., On Approaches to Defining the Notion of 'Trobe', *Izvestiya RAN. Seriya Literatury i Yazyka*, 2013, 72 (2), 20–31.

Moskvin V. P., *Teoreticheskie osnovy stilistiki*, Moscow, 2015.

Nikolaev S. I., Trudnyi Kantemir (Stilisticheskaia struktura i kritika teksta), *18 vek*, 1995, 19, 3–14.

Novozhilov A. V., O razlichiiakh mezhdugiperbatom i inversiei, *Russkaia grammatika v dialoge nauchnykh shkol, napravlenii, metodov: sbornik nauchnykh statei*, Sheremet'yeva E. S., Starodumova E. A., Anisova A. A., eds., Vladivostok, 2022, 312–320.

Paducheva E. V., O poriadke slov v predlozheniiakh s sochinieniem: sochinitel'naia proektivnost', *Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia*, 1971, 2 (3), 14–18.

Ponyrko N. V., Uchebniki ritoriki na Vygu, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, Leningrad, 1981, 36, 154–162.

Popan M., *L'hyperbate nominale en latin: construction, typologie, raison de texte. Linguistique*, Toulouse, 2012.

Powell J., Hyperbaton and register in Cicero, *Colloquial and Literary Latin*, Dickey E., Chahoud A., eds., Cambridge, 2010, 163–185.

Ramazanova D. N., Ekzempliar grecheskogo izdaniia "Iskusstva ritoriki" Frankiskosa Skufosa (Venetsiia, 1681) — istochnik russkogo perevoda Stefana Pisareva, *Rumiantsevskie chteniia-2023. Materialy*

Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (18–20 aprelia 2023 g.), 2, 2023, Moscow, 262–269.

Reisen E., *Rhetorische Tropen in psychoanalytischer Sicht*, Stuttgart, 1994.

Schindler C., Synchrony, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 9, Ueding G., Hrsg., Jens W., Mitbegr., Tübingen, Berlin, 2008.

Sevbo I. P., O gromozdkosti sintaksicheskikh struktur, *Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia*, 1971, 2 (2), 41–45.

Skovorodnikov A. P., ed., *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrzitel'nye sredstva russkogo iazyka i rechevye oshibki i nedochety*, Moscow, 2005.

Spevak O., *Constituent Order in Classical Latin Prose*, Amsterdam-Philadelphia, 2010.

Steen J., *Verse and Virtuosity: The Adaptation of Latin Rhetoric in Old English Poetry*, Toronto, 2008.

Thornton E., Horace's Hyperbaton: Wrapping One's Head around 'Word Warps' and Patching Up a Gaping Language Gap, *Continuum Studies in Translation*, Fawcett A., Guadarrama García K. L., Hyde R., eds., London, 2010, 39–66.

Timofeev L. I., Turav S. V., eds., *Slovar literaturovedcheskikh terminov*, Moscow, 1974.

Torzi I., *Ratio et usus: Dibattiti antichi sulla dottrina delle figure*, Milano, 2000.

Volkov S. S., Emfazis, *Ritorika M. V. Lomonosova*, Buharkin P. E. et al., eds., St. Petersburg, 2017.

Yanko T. E., *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte*, Moscow, 2008.

Young A. M., Schematized Word Order in Vergil, *The Classical Journal*, 27, 1932, 515–522.

Elena V. Markasova, Dr. Sci., associate professor
Peking University,
No. 5 Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing
China
markasovaelena@yandex.ru

Received September 1, 2023